

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Альберт ИЗМАЙЛОВ

«ЧЕМ ПРОЩЕ СТИХ,
ТЕМ ОН ТРУДНЕЕ...»

*К 130-летию со дня рождения
Игоря Северянина (1887–1941)*

Наверное, есть какая-то тайна в природе Севера, дарящая людям нежные чувства к окружающему миру, живому и неживому. Истоки рождения и становления ласковой, мелодичной лирики Игоря Северянина здесь — на северной земле: «Да, север, сумерки и май...»

«Благодаря чтению и слушанию всего этого образцового, в особенности же благодаря оперной музыке, произведшей на меня сразу же громадное впечатление и зачаровавшей ребенка, — вспоминал Игорь Северянин в 1924 году, — мое творчество стало на двух основных принципах: классическая банальность и мелодическая музыкальность»¹.

Писал он много, но печатал только то, что интуитивно чувствовал своим, милым, жизненным. В его печатных поэзах светилась бесстрастная нежность. Он, как музыкант, целуя головку духового музыкального инструмента, извлекает нежный звук, так поэт в костер бросает хворост нежных слов, чтобы его пламя согрело землю и человечество.

Жизнь порой была, обманывала, но не обламывала его, не сжигала. Он вновь и вновь целовал цветущее лицо весенних яблонь, жег молнией своих изысканно-простых поэм надменные вершины. Он уходил туда, в интервал олуненных аллей, в наготу берез, где нежно свежее лесная глубь, где легко кружатся яблоневые снежинки.

Среди поэтов Серебряного века есть личности, которые своеобразным образом стремились создать свой мир, переосмыслить пространства, время, искусства.

Альберт Федорович Измайлов родился в Ленинграде в 1937 году, житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук.

¹ Игорь Северянин. Царственный паяц. СПб., 2005. С. 41.

Северянин не признавал давления на творчество ни с какой стороны. Его бранили за смешение стилей, хотя это и было новым стилем, северянинским. Человек, по Северянину, способен на многое, ему нужно только поверить в себя, сказать: «Я буду!»

Он размышлял о добре и зле, правде и неправде, о людях, о России.

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать.
О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

И главным критерием в оценках многих явлений была для него нравственность.

Жизнь человека одного —
Дороже и прекрасней мира.
Все для него, все для него —
От мелкой мошки до тапира.

Нельзя заставить замолчать из сердца льющееся слово. Слово нежное, проникновенное, простое.

Нельзя победить одним сопротивлением. Необходимо наступление. И поэт умел подчинить себе нежно, настойчиво, настоятельно, доверчиво. Умел заступить, но не наступить. Он наступал, как весна, «полный нежности и ласковой тоски».

Он общался с В. Маяковским, Д. Бурлюком, В. Каменским...

О стихотворениях северного барда Игоря Северянина поэт и художник Давид Бурлюк вспоминал: «...от него пахло не только льдистой свежестью строгого морозного взрыва бодрого таланта, но и новым задором неведомым доселе... о Северянине многие говорили и говорят: „не футурист“, но так говорят о каждом из футуристов, поскольку без него уже нельзя дышать, не то что говорить... надо помнить, что Северянин буйствовал, „футурил“ пусть в воротничке „эго“ в Петрограде в безудержной цитадели всяческого пушкинства... и этот дух футуризма в казенном Петербурге возрос и вел свою работу в хрупкой по виду, по звуку и диапазону в поле Игоря Северянина. Он в Петрограде озадачивал „новыми“ словечками, он будоражил классы критиков и умы молодежи... Нежность — это специальность Северянина, но в первых идейных схватках ее поэт, применив как оружие, изуродовал много сердец... И только такой поэт мог возникнуть в Петербурге. В Северянине большая тонкость столицы, большое спокойствие, выдержка и знание себе цены. Северянин не торопится, он ждет, что собеседник выскажется первым...»²

Позднее Д. Бурлюк писал: «Во время моего визита одиннадцатого февраля 1915 года Северянин видел во мне очевидно человека, с которым, даже не споря, он все же был во внутреннем раздражении, он написал мне в тетрадь две строки:

Да, Пушкин мертв для современья,
Но Пушкин пушкински велик...»³

Нежность выплескивалась в письмах: «...не переставал о Вас думать. И не перестаю. И не перестану. Да. Кратко и утвердительно. Меня к Вам влечет. Мне лазурно

² РО РНБ. Ф. 552. Д. 1. Л. 130-142.

³ РО РНБ. Ф. 552. Д. 1. Л. 143.

с Вами...» — писал он театральной и кинематографической актрисе Л. Д. Рындиной в 1912 году.

Актриса, писательница Лидия Дмитриевна Рындина писала в своем дневнике в 1913 году: «И главное в моей жизни — этот год, я скажу в конце сегодняшнего дневника. — это Игорь, да, Игорь Северянин, что говорит, что полюбил меня, что дарит мне свои стихи, что пишет их о мне, что проводит со мной долгие ночи. Я прихожу из театра... одеваю свой белый чепчик и сажу, и говорим, говорим, и целуемся, и я, не любя, как-то люблю, и нет сил оттолкнуть, и люблю Сергея⁴, но и Игоря... Душа Игоря мне близка, мучительно тянет меня к себе его талант...»⁵

В марте 1914 года она вновь была в Петербурге, записывала в дневнике: «...Игорь Северянин около меня. Мне посвящена его новая книга „Златолира“ вся целиком. Много стихов мне пишет. Что я? Да, я совсем уже холодна... Игорю я плачу за лето боли и огорчений...»

Северянин писал ей: «Я всегда был и буду твоим истинным другом... Меньше всего видел и ценил в тебе женщину, несмотря на то, что ты очень красива и интересна. Всегда чувствовал глубину твоей души, которую эти человечки не могут познать...»

Право поэта — быть искренним до нежности. «Посвящение поэта в поэзию, — писала М. Шагинян о Северянине, — происходит любовью; каждая строка тут автобиографична».

Слагатель нежных, музыкально-лирических поэм невозмутимо шел по своей поэтической улице, по своей зеленой тропе, не обращая внимания на окружавшие его времена и события.

Где же истина суждений об этом новом поэте? — вопрошали литературные критики. Она в том, что в его поэтических образах все же больше нежности, задушевности: там, в парке, плачет девочка, «которой жаль ласточки с переломанной лапкой»; там поздней осенью «хромает ветхий месяц, как половина колеса»; там мороз «выпивает лужи», затягивая их хрупким хрусталем. Поэт умеет услышать деревенский напев: «...зашалила, загуляла по деревне молодуха / было в поле, на воле. Было в день Святого духа».

Критики видели в его стихотворениях то безвкусицу, то незнание, то изысканность и задушевность. Николай Гумилев писал о раннем творчестве Северянина: «...его стих свободен и крылат, его образы подлинно, а иногда и радуяще неожиданны. У него уже есть свой поэтический облик...»⁶

Нельзя было остаться равнодушным от северянинских строк: «и сел на сером клене в атласный интервал»; «лиловеют разнотонами станы тонких поэтесс»; «пора популяризировать изыски, утончиться вкусом народа». Да, это была «грибная поляна» для пародистов, фельетонистов, любителей грибных деликатесов. И мало кто замечал в этих «изысках» иронического северянинского фейерверка, искрящегося электрическим светом из «столицы на Неве».

Северянин «жемчужно» хохотал над суждениями литературных критиков о нем, ибо считал, что «решительно все имеет право излиться в искусстве», и что «Жизнь подражает Искусству гораздо больше, чем Искусство — Жизни», и что «вымысел всегда сильнее правды»⁷.

⁴ Сергей Соколов — ее муж. Рындина переехала из Варшавы в Москву в 1906 году. Во время поездки с отцом в Германию она познакомилась со своим будущим мужем, официально стала женой Соколова в 1907 году, после его развода с Н. Петровской.

⁵ Лица: Биографический альманах. 10. СПб., 2004. С. 21.

⁶ Игорь Северянин. Царственный паяц. СПб., 2005. С. 590.

⁷ Там же. СПб., 2005. С. 551—552..

У него многое было наоборот. И слова (окалошить, миражить, экстазить...), и суждения о любви, о Пушкине (который писал о своем увлечении Н. Н. Гончаровой: «я огончарован»).

Противоречивые тексты литературных критиков о творчестве Северянина продемонстрировали новаторскую, необычную, сложную поэзию мастера лирико-виртуозных стихосложений.

Северянина называли большим мастером нежности. В его творчестве всегда ощущалось нежное, искреннее чувство к женщине, поэзии, России. И это чувство заставляло поэта строже относиться к творчеству:

Чем проще стих, тем он труднее,
Таится в каждой строчке риф.
И я в отчаянии бледнею,
Встречая лик безликих рифм.

Многие помнят его «взгляд балтийской волны», его неторопливый выдох:

Для отрезвления народа,
Который впал в угрозный сплин,
Не Лермонтова с парохода,
А Бурлюков на Сахалин...

Он не любил одних поэтов, славословил других. Проникался, «питал благосклонность», называл некоторых стихотворцев «ласковыми, девственными». Читал, разбирали их стихи, стиль, рифмы. Соглашался, возмущался, удивлялся.

«Основываясь на „народном слухе“, как наиболее непосредственном, — писал он в письме поэту, прозаику Б. Д. Богомолу, — мы можем — и, может статься, должны?.. — ввести в поэзию новую форму дисгармонической рифмы, а именно диссонанс»⁸.

Он и в значение слова «нежность» как бы вносил дисгармонический смысл, использовал его для раскрытия источника поведения человека, ибо специалист в сфере искусства, связанный в своей работе со словом, всегда будет искать необычный способ его использования. Искать целерациональность.

Нежность, как средство влияния, как оружие в борьбе за лидерство, как сегодня называют, «мягкая сила», брала души и сердца читателей, слушателей в плен, направляла думы, дела, поступки. Меткое народное изречение напоминало: «Мягкое слово кости ломает». И доверчивое чувство всегда обязано соседствовать с разумом.

У Северянина большие запасы «мягкой силы» в сфере творчества, публикаций, культурного влияния. Как самобытного поэта с истинным чувством поэзии и как формы выражения, и как способа существования его высоко ценили как российские, так и зарубежные литераторы и читатели.

Язык Северянина колебался меж двух волн: экзотикой и банальностью, приверженность к которой декларировал сам поэт: «„Сирень“ и „день“! — нет рифм банальной! Милей и слаще нет зато». В музыке его стихов слышен то задор, то созвучие, то несогласованность, то какофония, то гармония.

Весной 1916 года Северянин проходил военную службу в казармах 145-го пехотного Новочеркасского полка на Охте. В эту пору он писал:

⁸ Там же. СПб., 2005. С. 77.

На Охте гнилой, в казарме каменной.
 Где днем тоскливо, а ночью хоть плачь,
 Я, мечтами, как камнем, подавленный,
 Приказывал сердцу: молчи же, не плачь...

В Новочеркасском полку он подружился с начинающим литератором Л. Борисовым. Они говорили о литературе, технике стиха, месте поэта в обществе. Однажды Северянин сказал: «Всю жизнь буду писать о мечте, о грезах, о красивой жизни. Ненавижу реальность, то, что вы называете реальностью. Я сотворю свою другую жизнь...»

Его тревожила война, приближение предреволюционных настроений. Все это объясняло его странное поведение, необычное чтение стихов, некоторая вычурность, эксцентрическая самоуверенность и, конечно, новаторство и традиционность русской поэзии, простота и естественность, лиризм и даже сентиментальность. С годами характер его творчества менялся, стихи становились проще, лиричнее, в них входили мотивы воспоминаний о прошлом, остро переживаемое одиночество.

Поэт был склонен и к романтике, и к холодному рассудочному восприятию мира, но был далек от политических пристрастий, от более зоркого видения туманного горизонта. Он всегда стремился обосноваться в тех территориально-географических местах, где было мало поэтов, но много интересного для поэтического восприятия. Ему были интересны красочные истории местной жизни.

Времена не выбирают. В них живут. И творчество Северянина — это своеобразный диалог в пространстве царской России, буржуазной Эстонии и в составе СССР. Выжить поэту в этом противоречивом пространстве можно было, только избрав общечеловеческую тему, приемлемую для всех политических режимов. Такой темой, в которой «специализировался» поэт, стала тема, обозначенная для кого-то «хрупким», для кого-то «сильным» понятием — нежность.

Прожив в двух антагонистических друг к другу пространствах, он пытался сделать вывод: мы живем плохо не только из-за какого-то внешнего коварства, а, скорее, из-за своего собственного вредительства, предательства, расточительства. Мечты и мысли вдохновляли нас на построение лучшей жизни, а жить приходилось вечно сиром, в зле добра и доброте злобы. В январе 1918-го он писал: «...виновных нет: все люди правы, / но больше всех — простивший прав!»

Так что же есть поэт? Поэт — это «неприкаянная душа, что бродит в мире, всех жалея».

Он был впередсмотрящим на корабле жизни, плывущем только вперед, к неразгаданным тайнам бытия.

И вечно море будет ласкать солнце, а солнце — море, а поэт — трепетать, как «в бурю снасть на корабле».

«Дульцинея вод» для него была эстонская Тойла, маленькое местечко на берегу Балтийского моря.

Все эти краски ароматов,
 Всю филигранность настроений
 Я ощущаю белой ночью
 У моря, спящего в стекле...

Судьбы многих поэтов Серебряного века сложились трагично. Он подолгу жил в эстонском поселке Тойла, в 1918 году оказался вне России, в 1921 году принял эстонское гражданство.

В его личной жизни не все складывалось так, как ему хотелось. Он полагал, что «жить с поэтом — подвиг, на который не все способны», и он никому не позволял осуждать поэта.

Жизнь протекала трудно: безработица, безденежье, болезни.

В 1931 году он писал: «...„Коммунизму“ и „капитализму“ — этим двум понятиям, этим двум мироощущениям — никогда не ужиться вместе. Их столкновение ужасающе-страшное — в конце концов неизбежное, и у меня нет ни малейшей уверенности в победе капитала. Собственно говоря, жестоки и бессердечны обе системы, и я не приверженец ни одной из них. Остается надеяться лишь на то обстоятельство, что коммунизм в Европе выразится в более культурной и терпимой форме, нежели там, на востоке...»⁹

Несмотря на невзгоды, писал, творил, сочинял. Его стихи переводили на французский, испанский, польский, эстонский, хорватский, сербский, болгарский, румынский, чешский языки, на эсперанто. На его стихи слагали песни, романсы. Художники писали его портреты.

А за окном проходила «еще одна осень», желтели и атели листья, шли «серые деньки, бури на море, холодный воздух по утрам».

В сентябре 1940 года он писал: «Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: в последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрят как на шутов и бездельников, обрекая их на унижение и голод. Давным-давно нужно было вернуться домой, тем более что я никогда врагом народа не был, да и не мог быть, так как я сам бедный поэт, пролетарий, и в моих стихах Вы найдете много строк протеста, возмущенья и ненависти к законам и обычаям старой и выжившей из ума Европы»¹⁰.

Северянин с помощью «мягкой силы», нежного, мягкого отношения к тем или иным моментам современности стремился преодолеть трагические, мрачные условия жизни, с которыми сталкивался как в старой и новой России, так и на капиталистическом Западе.

В 1940 году в Советской Эстонии некоторые стихи Северянина были опубликованы в журналах «Огонек» и «Красная новь». В Ленинграде в 1941 году готовился к выпуску альманах, куда должны были войти его стихи о русских композиторах. Началась война, и издательство было уничтожено бомбежкой. После начала войны, в 1941 году он хотел эвакуироваться в советский тыл, но, будучи тяжело больным, не смог этого сделать. В декабре холодного 1941 года Игорь Северянин умер в оккупированном Таллине. На его могиле была сделана надпись — двустишие из одного его стихотворения:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Он умер одиноким, но не одинокими остались его поэтические творения.

⁹ Там же. СПб., 2005. С. 269.

¹⁰ Там же. СПб., 2005. С. 221.